

В. ВЕЙДЛЕ

Гоголь и архитектура

Судить о художественных интересах молодого Гоголя и о критериях его вкуса по «Арабескам» так же трудно, как составлять себе отчетливое представление об его взгляде на историю. В статьях «О Средних веках», «О преподавании всеобщей истории», «Шлецер, Миллер и Гердер», «О движении народов в конце V века» никакой собственно исторической мысли нет¹. Это скорей стилистические упражнения на извне задуманные темы, чем размышления Гоголя о том, что само по себе могло его интересовать. И если таковы исторические статьи тех годов, когда он мнил себя историком, занимал кафедру в Петербургском Университете и готовил «Историю Средних веков» «томов на восемь или на девять», то неудивительно, что статьи об искусстве не более содержательны. «Скульптура, живопись и музыка» такое же стихотворение в прозе, как «Жизнь», а в «Последнем дне Помпеи» картина Брюллова — если пропустить одну любопытную фразу — служит лишь поводом для пышных описаний и искусно построенных периодов.

Но есть исключения в «Арабесках»: это статья «Об архитектуре нынешнего времени»². Она известна в двух редакциях и написана в 1831 году. В ней уже не все риторика; она дает нам заглянуть и в художественные вкусы Гоголя, и в его исторические впечатления; но прежде всего она учит нас понимать то, о чем она написана: архитектуру XIX века. Впервые, может быть, в Европе двадцативухлетний русский литератор предчувствует, если не сознает, все, чем теперь станет архитектура и все, чем она уже не может стать. Он не оплакивает ее, но именно своим *согласием* с ее судьбой он эту судьбу нам объясняет. Гибели ее он не предвидит, но все, что

он о ней говорит, заставляет нас сильнее ощущать неизбежность этой гибели. Статья начинается с панегирика готическому стилю³ и приветствия его возрождению, от которого Гоголь желал бы только еще большей полноты; она переходит затем к критике архитектурных форм XVII, XVIII века и классицизма Империи. Петербургская классическая архитектура Александровского времени для Гоголя прежде всего однообразна, скучна, плоска; последний отблеск подлинного архитектурного стиля кажется ему недоуменным и казенным. «Прочь этот схоластицизм, предписывающий строения ранжировать под одну мерку и строить по одному вкусу! Город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам. Пусть в нем совокупится более различных вкусов. Пусть в одной и той же улице возвышается и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшений восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройным размером греческое. Пусть в нем будут видны и легковыпуклый млечный купол, и религиозный бесконечный шпич, и восточная митра, и плоская крыша итальянская, и высокая фигурная фламандская, и четырехгранная пирамида, и круглая колонна, и угловатый обелиск» ...

Гоголь противопоставляет, таким образом, Александровскому классицизму не предвидение какого-нибудь иного, нового стиля, а возможность совместить в представляющемся ему идеальном городе все уже известные стили во всей их разнородности и пестроте. Он предполагает даже «иметь в городе одну такую улицу, которая бы вмещала в себя архитектурную летопись “всего мира”». «Эта улица сделалась бы тогда в некотором отношении историею развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все». Правда, он спрашивает себя: «Неужели не возможно создание (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежних условий?»; он даже указывает на некоторые возможности, о которых впоследствии подумали в Европе: «чугунные сквозные украшения, обвитые около круглой, прекрасной башни», которые «полетят вместе с нею на небо», напоминают мечты 60-х годов и постройку инженера Эйфеля⁴. Но «висящая архитектура», как называл ее Гоголь, не удалась, да и сам он в нее, по-видимому, не очень верил. Зато мы увидели на деле то стилистическое столпотворение, о котором он мечтал. Его слова о том, что «всякая архитектура прекрасна, если соблюдены все ее условия», могли бы

служить эпитафией для истории XIX века; и пожелание его о том, чтобы каждый архитектор «имел глубокое познание во всех родах зодчества» осуществилось тоже вполне. От готики Виолле-ле-Дюка до петушковаго стиля Стасова, от неоренессанса Бисмарковской эпохи до неоампира Щуко и Фомина⁵ архитектура XIX века была тем самым, что Гоголь воображал и что он так восторженно описывал. Когда он говорит об улице «по которой стоит только пройти, чтобы узнать все», мы можем вспомнить генуэзское кладбище или представить себе один из тех американских городов, что уже самым своим названием подражают европейским. Мы видели это «постепенное изменение в разные виды», и «преображение архитектуры в колоссальную... египетскую, потом в красавицу — греческую, потом в сладострастную александрийскую и византийскую», потом в «аравийскую, готико-арабскую, готическую»... «чтобы вся улица оканчивалась воротами, заключающими бы в себе стихии нового вкуса». С усмешкой, но и не без грусти внимаем мы этому красноречию. Пророчество Гоголя сбылось. Мы знаем, что такое «стихии нового вкуса» и чем для европейской архитектуры стал девятнадцатый век.

